

Наталья Маренина

Козыбка

Часть 1

Наталья Маренина

Козьявка. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18912887

ISBN 9785447483487

Аннотация

«Не большой мир страшит тебя <...>, а маленький мир, что внутри тебя» («Бесплодные земли», С. Кинг). Возможно, эта сказка будет интересна тем, чей внутренний мир не может прийти в гармонию с внешним.

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Козьявка

Часть 1

Наталья Маренина

© Наталья Маренина, 2016

© Amanda Cass, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-8348-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Привет, меня зовут Козьявка. Ха, да, вот так просто и смешно. Я маленькая девочка в розовых сапожках, цветном плащике. В одной руке у меня красный, в белый горошек зонтик, в другой руке – конфетка. Я потерялась. Я потерялась очень давно. Произошло непоправимое – я погибла. Совершенно случайно я убежала от родителей, я была непослушной девочкой и попала под машину.

Где я теперь? Застряла между мирами. Почему? Не знаю. Мне сказали, у меня, как и у остальных застрявших здесь, есть цель, задача. Мы спасаем самоубийц.

Я уже неплохо соображаю, ведь по человеческим меркам я здесь не первый год. То есть, внешне я не взрослею, я всегда буду Козьявкой. Но внутри я уже взрослый человек. Мы не растём, ведь мы не живые. Мы похожи на полупрозрачные сущности, которые не до конца растаяли, и в них осталось немного человеческого обличья.

Больше мне нечего о себе рассказать: я знаю не больше вашего. Когда я попала сюда, то совсем ничего не помнила. Даже про то, что меня сбила машина, мне рассказал дядька (один из нас), который случайно оказался по (ту) сторон-

ним свидетелем этого безобразия. Он не мог меня спасти, это не его работа. Это работа другого типа сущностей – хранителей. Да-да, типа ангелов-хранителей. Только они вовсе не ангелы, это просто их работа.

Вот вы, наверняка, не раз задавались вопросом: «Что потом? Куда попадает человек после смерти?». Я не знаю ответа. Но я знаю, что часть людей действительно попадает в какой-то иной мир, а часть попадает в пространство между мирами. В том, другом мире, я тоже никогда не была и даже не знаю, что он из себя представляет. Никто не знает, кроме главных из нас, но они никогда не рассказывают и не отвечают на вопросы. Кстати, вот что у меня осталось от маленькой девочки! Я навсегда осталась «почемучкой». Забавно? Ничего подобного. Это щекочущее чувство, когда где-то то ли чешется, то ли зудит. Так и хочется узнать и спросить кого-то: «А что это? А это что? А вот это? А почему так?». Мне попадает за это, кто-то меня не любит за это, кто-то просто терпит. За надоедливость мне и дали имя – Козывка.

Сначала меня никак не звали. Меня вообще не звали, я сама пришла. Такая маленькая, они все не понимали, почему я, такая мулюпусенькая, попала к ним, что со мной дальше делать. Признаться, я и об этом пыталась выпросить. Всё, что удалось узнать – это то, что я рекордно маленький человечек, попавший к ним. Уж не знаю, что я такого успела на-

творить!

Вот вчера, например, подхожу я к дяде Базилио. Говорю, точнее, как всегда, спрашиваю:

– Дядя Базилио, а почему я такая маленькая сюда попала?

А он говорит:

– Ты вредная, ты уже 100 раз меня об этом спрашивала, да и всех ты об этом раз 100—200 спрашивала, а может и больше. Не знаю я, я не знаю, я знаю не, не я знаю.

– А кто?

– Не знаю я, Козявка, ничегошеньки не знаю.

– Ну, вот ты почему сюда попал, дядя Базилио?

– Я... Жить не хотел, малышка.

– А зачем?

– Жить не вмоготу было...

– Как это не вмоготу жить? Разве жить надо мочь? Я ду-

мала, просто живут и всё.

– Нет, милая, жить не просто мочь надо, жить уметь надо.

– Разве это занятие какое-нибудь? Дышишь себе, ешь, спишь. Чего тут уметь-то?

– Глупая ты ещё! Уйди, не мешай, видишь, я за парнем слежу?

– За каким ещё парнем?

– А вон, смотри, тоже жить не хочет.

– Да!? Это же нехорошо! Ты ему поможешь?

Дядя Базилио засмеялся, прищурил глаза и погладил себя по животу-пузырю. Мне всегда казалось, что у него в животе пусто, как в пузыре.

– Конечно, помогу. Я для того тут и поставлен, следить за такими глупыми. Ай, подожди! Не отвлекай. Ответственный момент. Смотри, ему сейчас девушка позвонит и прощения попросит.

Мы пристально следили, как парень, истекая соплями, го-

товится отбросить коньки. Тут у него звонит мобильник. Парень игнорирует звонок. Дядя Базилио начинает нервничать.

– Ну, что же ты! Трубку бери, бери трубку, кому говорю!

Наконец, парень, лезет в карман джинсов, достаёт мобильник, нажимает на кнопку «Принять вызов». Ещё секунд через 5 мы видим на его лице спасение, облегчение, блаженство. Такое лицо было бы, если бы он ногу в раскалённых углях держал, а после звонка в ледяную воду опустил. Болезненное облегчение на его сопливом лице.

– Терпеть не могу, когда эти балбесы так пугают, – дядя Базилио вытер пот со лба и с тем же облегчением присел на стул.

– Драматичка пауза.

– Чего?

– Драматичка пауза, я говорю, – я стояла, сунув одну руку в карман плащика, а второй ковырялась в носу.

– Фу, ты чего делаешь? Некрасиво как. Ты же девочка.

– А он взрослый парень, а жизнь разбрасывается, идиот.

– У него были на то свои причины, – дядя Базилио принялся защищать сопливого. Даже подался телом вперёд, расправил плечи, будто заслоняя собой. Тоже мне, пузатый защитник.

– У меня тоже есть причины в носу ковыряться. А у него какие? Глупости это всё. Пока можешь дышать и ходить, живи.

– Почему сразу ходить? У некоторых людей нет ног, и они же живут.

– Вот видишь! Даже ходить не надо уметь. Дыши себе на здоровье. Хотя, конечно, с необязательностью умения ходить я бы поспорила. Вот зацементируют мужику ноги в тазике и в пруд бросят. Ходить мужик не может, дышать тоже уже не особо получается, вот и помер. – Хорошо мне рассуждать о ногах в тазике с цементом, разворачивая шоколадную конфету.

– Где ты всё время конфеты берёшь? И зачем они тебе, мы же не едим? – Дядя Базилио спросил, не глядя на меня.

– Не знаю, подкладывает кто-то. Как ни суну руку в левый карман – там всегда конфета лежит. А ем, потому что

хочется.

Он уже не слушал меня и листал какие-то тетради.

– Что ты делаешь, дядя Базилио?

– Ищу, чем ещё парню помочь.

– А зачем?

– Ну как. Это моя работа, избавить парня от необходимости накладывать на себя руки.

– Он на себя наложил, когда убить себя захотел.

– В кого ты такая грубая, Козьявка?

– Сама не знаю. Может, в тебя?

– Нет. Уж точно не в меня. Я может и не добряк, но и не вредный, как ты.

– Ну так и как же ты ему ещё поможешь?

– Есть одна идея. Работу хорошую подкину, карьерный рост.

– Чавоооо!?! Это значит вот так делается, да? Кто-то пашет всю жизнь, спину горбатит, мужа-инвалида на себе тащит, детей растит, и подумать не смеет о том, чтобы всё бросить и коньки откинуть, а в итоге ничего – до самой смерти нищета, недолюбленность и слёзы в три ручья. А вот этому, значит, прыщущему смазливому стоит трагическую сцену разыграть, и нате вам невеста и приданое?!

– С ума сошла, мелкая!?! Пошла вон отсюда. Иди-иди, говорю.

Вот таким у нас был разговор с дядькой. Противный, так ведь?

Так я и не узнала у него тогда, как я тут оказалась, такая маленькая. С этим же вопросом я как-то ходила к старейшине нашему, одному из многих, конечно. Пришла. Он сидит, угрюмый такой, в кресле на выступе, как на троне. Облокотился, лицо на руку положил и сидит, думу думает. Я подошла, на коленку вскарабкалась, сижу, молчу. Он тоже сидит, молчит, на меня не смотрит. Я вздохнуть начала. Он – ноль внимания. Всё глубже и громче вздыхаю. Уже так вздохнула, будто у меня гора немойтой засохшей посуды, горячую воду отключили, а мыть всё равно придётся. Лицо несчастное сделала, попой поёрзала (говорят, ремня просит).

– Да вижу я тебя, вижу, – наконец, соизволил обратить на меня внимание старейшина. – Опять «почему»?

– Угу.

– Ну, рассказывай.

– Вот смотри. Вы тут все такие типа самоубийцы в отставке, да? А я-то как затесалась среди вас? Как я могла в 3 с половиной года самоубийство совершить? Ошибка что ли?

– Чего не знаю, Козявка, того не знаю.

– Ну, ты же старейшина, сделай что-нибудь, узнай у кого-нибудь, выпроси.

– Не принято в этих мирах вопросы задавать. Мы сюда приходим и с самого начала знаем свою работу. С первого же дня мы начинаем самоубийц спасать. Кого не спасём (редкость, конечно), но всё же, кого не спасём, тот сюда попадает и тот же час начинает нам помогать исполнять свой долг.

– А кто вам велит спасать?

– Хммм... Ну... Да никто не велит. Где-то заложено это

в нас, что мы спасать должны самоубийц.

– Кем заложено?

– Не знаю.

– А во мне почему не заложено?

– Как? А ты что, не помогаешь?

– Нет. А чево?

– Не «чево», а «что». Я думал, ты тоже работаешь. А что же ты делаешь целыми днями, если не работаешь?

– Вам надоедаю.

– Справедливо... А попробовать поработать не хочешь?

– Отчего же, можно. Веди меня, старче, на моё рабочее место.

– Болтушка. Завтра придёшь, покажу, как это делается.

Не скажу, что с нетерпением ждала завтра. Всего лишь простояла всю ночь у дверей в зал старейшины. Он ночью

выходил куда-то, меня как увидел, аж подпрыгнул, говорит:

– Ты что тут всю ночь стояла?

– Угу-у-у, – последнюю букву я растянула громким зевком, как львиным рыком.

– Завтра работать не сможешь. Иди спи.

Конечно, я не послушалась. Но у двери вздремнула. Утром ни свет, ни заря, начала ломиться в дверь к старейшине. Он вышел сонный и в халате.

– Ты хоть спала?

– Конечно! Спрашиваешь. Ну, давай. Где мой кабинет?

– С Базилио поработаешь.

– С этим пузырьём? А что, больше никого не осталось?

– То есть?

– Ну, я же заметила, что отсюда «супермены» тоже куда-то исчезают.

– Ты откуда это узнала?

– Заметила. Я же тут всех знаю. А иногда приходишь к кому-то в гости, а там вместо него уже другой сидит.

– Ты многовато знаешь и зря везде свой нос суёшь, – старейшина нахмурил брови, но злиться у него никак не получалось. Неумеха. – А знаешь, что странно?

– Не знаю. Что? – я с любопытством посмотрела на старейшину. В кой-то веке и меня о чём-то спросили.

– Что у тебя зова нет.

– Эт ещё что такое? Ты объясни, может, есть. Я, например, зонтик редко открываю, может, у меня там уже зова вырос.

– Да не зова, а зов. Я тебе вчера об этом говорил. Когда мы сюда попадаем, у нас сразу же есть желание спасти всех-всех самоубийц и не дать им умереть – это и есть зов.

– Глупость какая. Конечно, у меня такого нет. Я, может, и маленькая, зато поумнее вас буду.

– Думаешь?

– Конечно. Я что глупая, запрещать им делать то, что они хотят.

У старейшины даже брови до затылка задрались. Он испугался и рот мне ладошкой прикрыл.

– Ты так не говори, ладно?

– Почему?

– Не почему. Просто не говори. Мы им нужны, мы должны их спасать. Им горе глаза застилает, вот они и не видят со своей точки зрения, что им дальше жить надо.

– Надо? Вот вы смешные. Дядя Базилио говорит, что жить мочь и уметь надо. А ты говоришь, что жить надо. Кому надо-то?

– Людям.

– Если они сами хотят, зачем их спасать? Вот представь, если бы существовали такие как мы, только запрещали бы они не самоубийства совершать, а вредную еду есть. Вот подносит человек ко рту ложку с острой какой-нибудь китайской лапшой, а ты хрясь! по ложке со всей своей мудрости!

– Болтушка. Ты вообще странная, ты знаешь об этом?

– Это вы здесь все странные, я нормальная.

– Но ты будто не должна быть здесь. Чёрт знает, как ты сюда попала.

– Он не знает, а то я бы уже расспросами его заколебала.

– Это точно.

Мы, наконец, дошли до дома дяди Базилио. В окнах, несмотря на то, что время утро, горел свет. Дядя Базилио, как всегда, заработался до глубокой ночи и уснул за столом, перед экраном, не выключив свет. Старейшина робко постучал ногтями в дверь. Секунд 15 мы молча стояли, дверь никто не открывал, и вообще, как будто вымерли там все. Я постучала розовым сапожком по двери. На двери остался грязный след, на улице после дождя довольно сыро и грязно.

– Кто?

– Старейшина Брагул.

– А, заходи, открыто.

Старейшина хотел войти первым, но я растолкала его, пробежала в комнату и плюхнулась на диван.

– Эй, опять ты? Сапоги грязныеними! – Дядя Базилио был сонным, но уже готовым взбодриться и столкнуть меня с белого дивана. – Ты зачем её привёл? Она вредная, ужас.

– Помощницу я тебе привёл. – Старейшина виновато сдвинул жиденькие бровки и также виновато улыбнулся.

– Помощницу? Геморрой ты мне на задницу привёл.

– Не ругайся, она ещё маленькая.

– В прошлый раз ты был более гостепе... гостепер..гостеприёмным, – встряла я, но меня не слышали.

– Она маленькая проблема на малюсенькой заднице.

– Прекрати ругаться.

– Ладно, что делать надо?

– Научи работать. Покажи, как это делается. А я пошёл, у меня дел много.

– Ну ты и жук, Брагул. Отомщу на выборах старейшин.

Но старейшина уже не слышал, он стремительно удалялся из квартиры Базилио.

– Ладно, сапогиними, зонтик на вешалку повесь, плащ туда же. И к экрану иди, только не трогай ничего. Я пока кофе сделаю.

– Ты же сам говорил, что нам не нужна еда.

– Привычка, жив был – без кофе проснуться не мог. Сюда попал, мало что из жизни помню, а привычка осталась.

– Ладно, иди, делай свой кофе.

Дядя Базилио уже с кухни прокричал: «Только ничего не трогай».

Но я уже нажимала на все кнопки подряд, что встречались мне на пути. Так я закрыла и открыла шторы-жалюзи, выключила свет, включила и выключила музыку, TV, и, кажется, даже стиральную машинку.

Я сидела и смотрела, что происходит на экране, когда дядя Базилио с кружкой в руках подошёл и встал у меня за спи-

ной.

– Что думаешь об этом?

На экране была девушка, сидящая на полу. Она не плакала, но у неё было лицо мертвеца. В руке – тест на беременность, справа от неё на полу телефон. Она смотрела в одну точку на белых обоях – когда-то на этом месте торчал гвоздик, а теперь осталась только дырка в обоях от него. Это был чей-то чужой «вызов».

– Принято уже, да? – спросил Базилио, с хрюканьем втягивая в себя горячий кофе.

– Угу.

– Предысторию видела?

– Угу.

– Что думаешь об этом?

– Не знаю. Дура.

– Почему?

– Влюбилась в парня, которому не нужна, ждёт теперь от него ребёнка, а он от них отказался. Вот сидит и переваривает мысль о самоубийстве.

– Любовь сложное чувство.

– Оно как-то мешает жить?

– Нет, но из-за него люди бывают готовы на отчаянные поступки.

– Это не отчаянный поступок, а глупый.

– Да что ты понимаешь, мелкая? – похоже, он психанул, так как стукнул кружкой об стол и кофе расплескалось. А может, просто неаккуратный. – Ты ещё мало что понимаешь, тебе нельзя тут работать.

– Почему?

– Всё почему да почему! Нельзя и всё. Надо чувствовать то же, что и эти люди. Почему думаешь спасителями самоубийц становится самоубийцы? Потому что только они понимают чувства этих людей, но они смотрят со стороны, поэтому могут принимать адекватные решения и могут помочь.

– Ну да! Извини, что мне не понять, почему они все пытаются себя убить! Я-то умерла не по собственной воле! – наверное, глаза у меня были как два скользких сырых шарика слёз, потому что Базилио кинулся меня утешать, хотя и было видно, что чувство отцовства ему незнакомо, он не знал, как ко мне подступиться и что сделать.

– Ну, прости меня, маленькая. Хочешь кофе?

– Дурак. Какой ещё кофе. – Я спрыгнула с высокого рабочего кресла, добежала до вешалки, сунула руку в левый карман плащика и извлекла конфету. Я поспешно сунула конфету в рот и кинула фантик в угол комнаты. Там валялось уже 3 моих фантика с прошлого раза.

– Невоспитанная. Подметать заставлю! – наблюдал за мной из комнаты Базилио и ворчал, но всё ещё снисходительным тоном.

– Я ещё маленькая, чтобы подметать.

– А вот чтобы языком молоть, уже большая, – проворчал он себе под нос.

– С бабулей хочу повидаться.

– Опять!?! Она же тебя всё равно не видит.

– Зато я вижу.

– Ладно, сюда иди, только скорее, работа не ждёт.

Я подбежала, встала к дяде Базилио спиной и немного подняла руки. Он ловко схватил меня за подмышки и усадил на одно колено. Мягкая коленка и мягкое пузо. Потом одной рукой он быстро набрал какие-то символы на экране, и появилась картинка. Бабушка сидит на лавке в парке и читает газету. Светло, тепло, спокойно.

– Почему ты всё время просишь её показать? Разве ты помнишь её?

– Неа.

– Тогда кто она такая?

– Откуда я знаю! А ещё меня «почемучкой» обзываете.

– Ты что просишь показывать тебе незнакомую бабульку!?

– Почему сразу незнакомую! А вдруг знакомую. Я просто

не помню, откуда я её помню.

– Логично, типа.

Я болтала ногами, держала пальчик во рту и разглядывала бабульку.

– Что она читает? Что за газета?

– Вот ты смешная, откуда я знаю.

– Приблизь.

– Не командуй тут, мелкая, а то пулей вылетишь.

– Пули не летают, как и люди.

– Тогда что они, по-твоему, делают, пули-то?

– Падают. Просто медленно падают, под маленьким углом падают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.